
18+
72
98
16
Марьяна Романова
Муж в коме, жена в доме!

Марьяна Романова

Муж в коме, жена в доме!

«Издательские решения»

Романова М.

Муж в коме, жена в доме! / М. Романова — «Издательские решения»,

Обычная медсестра не должна была оказаться на ночной трассе, но я спасла жизнь миллиардеру. Смерть пошла за мной по пятам. Чтобы выжить, я принимаю безумную сделку: становлюсь фиктивной женой Александра Чернова, пока он в коме.Я воюю с его алчным кузеном, нахожу яд в капельницах и ночами от одиночества изливаю ему душу. Я уверена, что говорю с пустотой… Пока однажды его стальная ладонь не сжимает мое запястье.Мой властный муж слышал всё. И развод в его планы точно не входит.

© Романова М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кровь на мокром асфальте 6
Глава 2. Три предупреждения и сделка с дьяволом 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Муж в коме, жена в доме!

Марьяна Романова

© Марьяна Романова, 2026

ISBN 978-5-0071-8070-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кровь на мокром асфальте

Дворники старенького «Соляриса» с надрывным, омерзительным скрежетом размазывали по лобовому стеклу стену октябрьского ливня. Стрелка часов на приборной панели застыла на отметке 03:14 ночи.

Ева Карпова вцепилась в потертый руль побелевшими пальцами, чувствуя, как от усталости за тридцать шесть часов непрерывной смены в частной клинике веки наливаются свинцом. В горле першило от литров растворимого кофе, а в кармане куртки жгло бедро уведомление от банка: *«Платеж по кредиту просрочен на 14 дней. Сумма долга: 840 000 рублей»*.

Спасибо бывшему жениху. Взял кредит на ее имя под открытие «перспективной стоматологии», а потом растворился на просторах Краснодарского края с новой пассией и ее деньгами. Еве же осталась работа на полторы ставки реабилитологом в элитном подмосковном стационаре, убитая съемная однушка в Красногорске и старая машина, которая чихала на каждом светофоре.

— Доехать бы… только доехать, — хрипло прошептала она в полумрак салона, нащупывая коленом печку.

Глухой участок Новорижского шоссе за пределами бетонки в такой час напоминал черную дыру. Ни встречных фар, ни фонарей — только вековые сосны, стеной стоявшие вдоль обочины, и яростный дождь, барабанящий по жестяной крыше.

Внезапно впереди, в густом сером мареве, что-то мигнуло.

Оранжевый, рваный всполох аварийки.

Ева сбросила скорость. Сердце рефлекторно сжалось в комок — профессиональная деформация медика сработала раньше страха. На крутом повороте, пробив металлический отбойник, в кювете под неестественным углом замер черный «Майбах». Морда представительского седана превратилась в гармошку, капот был смят до лобового стекла, из-под него с шипением валил белесый пар, пахнущий жженым антифризом и машинным маслом.

Машина не просто вылетела с трассы. Ее явно таранили: левый бок был содран до мяса, длинная глубокая борозда на черном лаке кричала о том, что седан выжимали с дороги тяжелым внедорожником.

Ева прижалась к обочине в пятидесяти метрах от места крушения, заглушила мотор и выключила фары. Рука сама потянулась к бардачку, где лежал ее рабочий чемоданчик первой помощи — привычка дежурного фельдшера, въевшаяся в подкорку.

Она уже взялась за ручку двери, собираясь набрать «112», как вдруг вспышка молнии на мгновение разорвала черное небо над кронами сосен.

И в этом мертвом белом свете Ева оцепенела.

Возле распахнутой водительской двери «Майбаха» стоял человек.

Высокий, массивный, в черной тактической куртке с глубоко надвинутым капюшоном. Он не пытался оказать помощь. Он действовал с ледяной, хирургической жестокостью.

С водительского сиденья на мокрую траву наполовину свесилось тело мужчины в дорогом темно-сером костюме. Его голова запрокинулась назад, лицо заливала кровь, толчками сочившаяся из рассеченного виска. Но он был жив — широкая грудь под разорванной рубашкой судорожно вздымалась.

Человек в капюшоне опустился на одно колено прямо в грязь. Его руки в плотных темных перчатках безжалостно, методично легли на горло раненого, пережимая сонную артерию и трахею.

— Если ты сдохнешь прямо сейчас, Алекс, мир станет намного чище, — глухой, вибрирующий от сдерживаемой ярости мужской голос прорезал шум ливня.

Убийца навалился всем весом, вдавливая жертву в разорванную кожаную обшивку салона.

Воздух застрял в легких Евы. Рассудок орал: *«Жми на газ! Уезжай! Это не твоя война, тебя пришьют и закопают прямо в этой лесополосе!»* Но пальцы уже сжались на ручке двери. Она семь лет училась спасать жизни, вытаскивала безнадежных инсультников и переломанных байкеров. Смотреть, как на ее глазах хладнокровно добивают человека, было выше ее сил.

Она приоткрыла дверь, собираясь достать из багажника монтировку или хотя бы закричать, но подошва стоптанного кроссовка предательски скользнула по раскисшей глине обочины.

Ева потеряла равновесие, задев ногой пустую жестяную банку из-под колы, валявшуюся в траве.

Металлический звон прозвучал в тишине громче выстрела.

Убийца среагировал мгновенно, как тренированный зверь. Он вскинул голову.

Очередной сполох молнии ударил прямо над кронами деревьев. Капюшон незнакомца сдвинулся назад, но лица Ева не увидела — нижняя половина была скрыта черным баффом. Зато в глаза бросилась деталь, выжегшаяся на сетчатке намертво: левая рука убийцы держала воротник жертвы, а на широком запястье тускло блеснули массивные титановые часы.

Кастомный циферблат. А на нем — выгравированная оскаленная волчья морда с рубиновыми глазами-точками.

Убийца уставился прямо туда, где в темноте замерла Ева.

Ее сердце пропустило удар, затем еще один. Время замедлилось, превратившись в вязкую смолу. Мужчина сунул руку под полу куртки — там отчетливо проступили очертания кобуры.

Один шаг. Он сделал шаг в ее сторону.

И в эту секунду вдалеке, за поворотом трассы, взвыла пронзительная сирена. Сквозь стену дождя заметались красно-синие проблесковые маячки патрульного экипажа ГИБДД, летевшего со стороны Москвы.

Убийца грязно, хрипло выругался сквозь зубы.

Понимая, что секунды сочтены, он резко развернулся обратно к раненому, с силой рванул ворот его рубашки. На пол полетели пуговицы. Мужчина схватился за массивную платиновую цепочку на шее водителя, на которой висел тяжелый металлический предмет — продолговатый темный цилиндр, похожий на аппаратный крипто-токен с гравировкой.

Цепочка лопнула с глухим щелчком. Но в спешке, когда руки убийцы скользили от крови и дождя, токен вырвался из пальцев.

Металлическая флешка отскочила от порога и со звоном улетела куда-то вниз, прямо в глубокую придорожную канаву, скрытую зарослями крапивы и сточными водами.

— Тварь! — прорычал незнакомец.

Искать было некогда. Вдали уже ревели моторы приближающейся полиции. Убийца метнулся через разделительную полосу, прыгнул за руль заглушенного черного «Рейндж Ровера» без номеров, стоявшего на противоположной обочине, и внедорожник с визгом покрышек рванул в сторону области, растворяясь в дожде.

Ева стояла, не дыша, пока стук ее собственного пульса не заглушил рев ливня.

Она отсчитала пять секунд. Выдохнула. А затем, не думая о последствиях, схватила с пассажирского сиденья свой оранжевый медицинский саквояж и бросилась к покореженному «Майбаху».

Зрелище было страшным.

Водитель — мужчина лет тридцати двух или тридцати пяти — умирал. Стекленеющий взгляд, мертвенно-бледное лицо, залитое кровью, клокочущее, прерывистое дыхание.

Аспирация. Отек гортани или западение языка на фоне черепно-мозговой травмы. Еще две минуты — и наступит клиническая смерть от гипоксии.

— Так, спокойно, Карпова… Спокойно, работаем, — приказала она себе вслух, падая на колени прямо в лужу с масляными разводами.

Она щелкнула замками саквояжа. Руки действовали на чистых рефлексах, отработанных сотнями дежурств: разорвать воротник окончательно, пальцами очистить ротовую полость от сгустков крови, запрокинуть голову, выдвинуть вперед нижнюю челюсть.

— Дыши, черт тебя дери! Слышишь? Дыши!

Мужчина был огромен. Широкие плечи, мощный торс, затянутый в разорванную ткань индивидуального пошива, жесткие, резкие черты лица — даже сквозь гематомы и кровь в нем сквозила порода, хищная и властная. Лицо человека, который привык отдавать приказы, а не валяться в канаве.

Ева вытащила из чемоданчика воздуховод, ловким движением ввела трубку в гортань. Мужчина судорожно, со свистом втянул влажный воздух.

Грудь приподнялась. Пульс под ее пальцами на его сонной артерии был слабым, нитевидным — около сорока ударов в минуту, но он был.

Она достала гемостатическую губку, с силой прижала ее к зияющей ране на виске, свободной рукой накладывая давящую повязку. Дождь заливал глаза, ледяная вода пропитала джинсы насквозь, но Ева не замечала холода.

Внезапно пальцы мужчины дернулись.

Его тяжелая, покрытая ссадинами ладонь с неожиданной, судорожной силой накрыла кисть Евы, прижимавшую бинт. Хватка была слабой, умирающей, но в ней чувствовалось отчаянное сопротивление небытию.

Губы незнакомца шевельнулись. Из разбитого рта вырвался кровавый пузырь и неразборчивый, хриплый шепот:

— Не… не отдавай… им… Флешку… Не отдавай…

Темные, почти черные ресницы дрогнули, приоткрыв полоску радужки цвета грозового неба. На долю секунды его взгляд сфокусировался на лице Евы — пустой, обожженный болью, но пугающе глубокий.

— Тихо, не дергайся, — лихорадочно зашептала она, наклоняясь к самому его лицу и сжимая его ледяные пальцы в ответ. — Помощь уже здесь. Слышишь сирену? Ты выживешь, понял меня? Только не отключайся!

Мужчина не ответил. Пальцы его разжались, безвольно соскользнув на окровавленную ткань брюк. Он провалился в глубокий, беспросветный омут комы.

В пятидесяти метрах заскрежетали тормоза. Захлопали двери, сквозь стену дождя замелькали лучи мощных фонарей.

— Эй, там в кювете! Не двигаться! Полиция!

Ева медленно поднялась с колен, тяжело дыша. Руки по локоть были в чужой горячей крови.

Внутренний голос — голос девочки из бедного спального района, привыкшей никому не доверять, — заорал сиреной.

«Убийца вернется. Если они покушались на человека в бронированном „Майбахе“ посреди федеральной трассы — это заказные киллеры. А у них не бывает лишних свидетелей. Если ты останешься и назовешь свое имя, тебя найдут через сорок восемь часов».

Она взглянула на приближающихся полицейских, которые на бегу расстегивали кобуры. Затем на темную канаву, куда упал загадочный токен. И, наконец, на мужчину в машине.

Она сделала для него всё, что могла. Он дышал. Дальше работа реаниматологов из скорой.

Пока лучи фонарей скользили по верхушкам деревьев, Ева Карпова тихо скользнула в спасительную тень густого подлеска, перемахнула через дренажную трубу и быстро, стараясь не шуметь, побежала к своему «Солярису».

Через три минуты ее потрепанная машина с выключенными фарами бесшумно выкатилась на трассу и растворилась в темном потоке редких фур, направлявшихся в сторону МКАДа.

Она надеялась, что эта ночь станет просто страшным воспоминанием.

Ева еще не знала, что на ее ладонях остался не только запах чужой крови, но и приговор, подписанный людьми, для которых человеческая жизнь стоила дешевле патрона.

Глава 2. Три предупреждения и сделка с дьяволом

Новости взорвали телеграм-каналы ровно через двенадцать часов после аварии.

Ева сидела на крошечной кухне съемной квартиры, сжимая в ледяных пальцах кружку с остывшим чаем, и смотрела на экран смартфона. С фотографии в деловом издании на нее глядел тот самый мужчина из покореженного «Майбаха».

Только на снимке он не был окровавленным трупом.

Безупречный графитовый костюм, холодный, пронизывающий взгляд серых глаз, волевой подбородок с едва заметной ямочкой и жесткая линия губ. Александр Чернов. Тридцать четыре года. Основатель и генеральный директор «Чернов Групп» — гигантского девелоперского и логистического холдинга. Человек, чье состояние оценивалось в топ-50 российского Форбс.

Заголовки пестрели сенсациями:

«Олигарх Чернов разбился на Новорижском шоссе»

«Борьба за жизнь: владелец Чернов Групп в глубокой коме»

«Акции холдинга рухнули на 12%. Временное руководство берет вице-президент Вадим Чернов».

Ни слова о покушении. Ни слова о втором автомобиле. Официальная версия ГИБДД: «Не справился с управлением на мокрой трассе в условиях плохой видимости».

Ева тогда с облегчением выдохнула. Ее не упомянули. Значит, пронесло. Никто не видел старый «Солярис», никто не записал номера. Она просто продолжит жить своей серой, загнанной в долги жизнью, ставить капельницы богатым старухам в клинике и отдавать банку грабительские проценты.

Она ошиблась.

Первое «предупреждение» настигло ее в четверг. Ева спускалась на машине по крутому съезду с эстакады на Волоколамку, когда педаль тормоза с мерзким хлюпаньем провалилась до самого пола. Скорость была под семьдесят. Впереди — глухая пробка из фур. Только чудом и отчаянным рывком ручника ей удалось увести машину в заснеженный газон разделительной полосы, чудом не перевернувшись.

Автомеханик в ближайшем сервисе, сплюнув на масляный пол, вынес вердикт, от которого по спине Евы пробежали мурашки:

— Тормозной шланг срезан, подруга. Аккуратный косой надрез канцелярским ножом. Езжай в полицию, тебя кто-то очень хочет на тот свет отправить.

В полицию она не пошла. Кому интересны жалобы нищей медсестры? Бывший муж долги выбивает — вот что ей скажут.

Второе покушение произошло в субботу. В час пик на станции метро «Тушинская». В плотной толпе на платформе Ева почувствовала резкий, нацеленный толчок тяжелой ладони между лопаток. Нога соскользнула с гранитного края прямо в бездну рельсов, навстречу ревущим фарам прибывающего поезда. Ее спас чужой крепкий захват — пожилой рабочий в брезентовой куртке чудом успел поймать ее за капюшон и дернуть назад. Когда Ева, задыхаясь от ужаса, обернулась, в толпе мелькнула лишь широкая спина в черном бомбере.

А в ночь на понедельник подожгли ее дверь.

Она проснулась в три часа ночи от едкого, удушливого запаха паленой резины и треска пламени. Входная металлическая дверь квартиры была облита бензином и пылала снаружи факелом. Ева выбила окно пожарной лестницы, выскочила во двор в одних трениках, наспех натянутой куртке и со старым рюкзаком, куда успела бросить паспорт и диплом.

Пожарные приехали через двадцать минут. Соседи орали. А Ева сидела на обледенелой детской качели во дворе, стуча зубами от холода, и понимала: случайности закончились.

Ее нашли. Ее планомерно, методично стирали.

— Вы простудитесь, Ева Николаевна, — раздался спокойный, сухой голос над самым ухом.

Ева вздрогнула и вскинула голову.

Возле качелей стоял мужчина лет пятидесяти пяти. Пальто из дорогого кашемира, аккуратная седая бородка, тонкие очки в золотой оправе и кожаный портфель в руках. На фоне горящего подъезда и суетящихся пожарных он выглядел как призрак из другого, недосягаемого мира.

В десяти метрах за его спиной мягко урчал двигателем длинный бронированный «Ауди А8» с наглухо тонированными стеклами.

— Вы кто? — хрипло спросила Ева, сжимая в кармане ключи с острым концом. — Это вы устроили?

— Если бы это устроил я, вы бы не сидели на этих качелях, — невозмутимо ответил незнакомец. — Меня зовут Борис Наумович Финкель. Я старший партнер адвокатского бюро и бессменный личный поверенный Александра Чернова вот уже двадцать лет. Садитесь в машину, Ева. Если мы простоим здесь еще пять минут, снайпер на крыше противоположного дома закончит то, что не удалось поджигателям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.